

Д. В. ВАСИЛЕВИЧ

ВЛИЯНИЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ НА СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЯПОНСКИЙ РОМАН «ПОВЕСТЬ О ГЭНДЗИ»

Среди всех периодов истории Японии особое место занимают те, которые являются ключевыми для понимания самобытности и оригинальности общественного уклада и культурных традиций Ямато. Одним из таких периодов является эпоха Хэйан. Эта эпоха является золотым веком развития японской национальной традиции и культуры, периодом возникновения и расцвета японских национальных жанров в различных сферах культурной жизни, особенно в литературе. Хэйан – идеальный пример расцвета аристократической культуры, которая сложилась при императорском дворе и под влиянием которой возникли, получили развитие и распространение многие жанры японской литературы и культурные традиции в целом, без которых сложно представить Японию в современном мире. На протяжении всей эпохи Хэйан (794–1185 гг.) и особенно на закате золотого века японской традиции, в так называемый поздний Хэйан, были созданы ценные памятники японской национальной культуры, которые являются важными историческими источниками.

Самой яркой особенностью хэйанского общества X–XI вв. была культура придворных аристократов, культура императорского двора, являвшаяся во многом плодом влияния китайской цивилизации.

Танский двор был наиболее образованным и блестящим из когда-либо существовавших на Дальнем Востоке. Особенно процветали религия, искусство и поэзия, с которыми был связан весь быт. Достаточно назвать имена Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи, творивших при этом дворе. Суан Цзун, танский император VIII в., считался образцом утончённого эстета. Японцы, познакомились с этой стороной китайской цивилизации, с жадностью стали усваивать её и стремились культивировать те же начала у себя на островах. При этом единый литературный язык обеспечивал многостороннее воздействие китайской культуры на Японию.

Хэйанская литература в течении многих веков служила образцом для японских поэтов и прозаиков и во многом определила дальнейшее развитие японской культуры.

Полное и яркое выражение ценностей и норм культуры Японии, нашли свое отражение в выдающемся произведении Мурасаки Сикибу «Гэндзи-моногатари» («Повесть о Гэндзи») начала XI века. Детальная картина жизни и быта придворной аристократии, история блистательного принца, изображены с такой полнотой и художественным совершенством, что роман считается крупнейшим памятником не только японской, но и мировой литературы.

Год рождения писательницы точно не установлен. Наиболее распространенная версия 978 г. Мурасаки воспитывалась в доме своего отца – большой усадьбе на берегу реки Камо. Как и подобало девушке благородного

происхождения, она выучилась игре на кото и бива, обучалась каллиграфии, стихосложению, умению одеваться и составлять ароматы. Единственное, чем ее воспитание отличалось от воспитания девушек ее круга, так это углубленным изучением китайской литературы.

Роман «Гэндзи моногатари» – произведение большого объема (в новейшей перепечатке более 1000 страниц японского текста), в нескольких частях. Художественное время романа охватывает жизнь трех поколений героев (в общей сложности 75 лет). Это своеобразный синтез всего предшествующего литературного развития Японии. На широком фоне культуры эпохи Хэйан отражена жизнь и идеология целого сословия феодальной аристократии, находящейся в то время у власти. В кругу этого сословия были созданы основные культурные ценности, которые определили облик хэйанской культуры в целом, в том числе и литературы.

Роман «Гэндзи моногатари» оказал большое и разностороннее влияние на всю последующую японскую культуру, заложив ряд чрезвычайно ценных и плодотворных традиций, включая основные архетипы народа, что предопределило особенности многих литературных жанров и форм книжного эпоса, лирической драмы и других. Его традиции оказались весьма перспективными и для современной литературы Японии.

Роман «Гэндзи моногатари» отличается ярко выраженными реалистическими тенденциями и глубоким проникновением во внутренний мир героев. В нем автор, по существу, вплотную подошел к психологическому роману на реалистической основе. Появление романа в японской литературе раннего средневековья на столетие раньше куртуазного романа в Западной Европе и на пятьсот лет раньше китайского романа на Востоке не может не привлекать внимания науки.

Одним из первых монографических исследований, посвященных «Гэндзи-моногатари» на Западе, является книга Айвэна Морриса «Мир блистательного принца. Придворная жизнь в Древней Японии». В своей работе А. Моррис делает попытку реконструировать жизнь хэйанского двора на основании исторических данных. Взаимодействие различных религий в эпоху Хэйан он достаточно упрощенно интерпретирует как «откровенный синкретизм и интеллектуальную толерантность» [1, с. 140]. Представляется, что такая точка зрения предполагает изначальную разграниченность понятий, что было чуждо сознанию японцев того времени. Трудно также согласиться с автором в том, что «мудзёкан», стремление уйти в монастырь для героев романа – не более чем условность, применение стереотипного приема.

Западные исследователи в последнее время стали все больше склоняться к мнению, что буддизм играл значительно более важную роль, чем это принято было считать до сих пор. В частности, У. Лафлер считает, что буддизм хэйанской аристократии ни в коем случае нельзя считать искусственным явлением. Те документы, которые дошли до нас от той эпохи – эссе, повести, пьесы, трактаты – дают основание полагать, что все творчество хэйанских придворных было пропитано буддийской символикой, и что «буддизм являлся неотъемлемой частью японской интеллектуальной и творческой жизни

уже на довольно раннем этапе» [2, с. 92]. Из этого У. Лафлер делает справедливый вывод: «представляется ошибочным заключать, что на протяжении долгих веков он был только внешним проявлением, а истинное его понимание пришло лишь к японцам тринадцатого века и в эпоху Камакура» [2, с. 98].

К XIX в. сложился подход к «Гэндзи моногатари» как к произведению назидательного характера: исследователи усматривали в нем буддийскую миссию, своего рода проповедь или иллюстрацию буддийских догм – законов воздаяния (кармы) и всеобщего непостоянства (мудзё), другие – конфуцианскую миссию наставления на путь добродетели и отвращения от порока. В частности, распространено было мнение, что роман предназначался для женского просвещения. Такой подход заложил определенные традиции, которые проявляются и в современной литературно-критической мысли Японии. О дидактической основе замысла произведения Мурасаки Сикибу (заботе о женском просвещении) пишет современный культуролог Кубота Уцубо в книге «Мое восприятие классики» [3, с. 127].

Идея кармы не могла не отразиться в «Гэндзи-моногатари», самом значительном литературном произведении хэйанской эпохи, обрисовавшем все аспекты жизни хэйанской аристократии.

Некоторые исследователи обратили внимание на то, как повлияла концепция кармы на структуру романа, и на этой основе попытались построить сюжетную схему «Гэндзи-моногатари». Так, Фудзивара Сакутаро и И. А. Воронина подразделяют роман на три части: юность героя (годы наслаждений), зрелость (годы славы) и старость (годы расплаты) [4].

Первая часть, согласно этой концепции, посвящена любовным похождениям Гэндзи, которого неудержимо влечет к наложнице своего отца Фудзицубо. Наконец он добивается своей цели и сближается с Фудзицубо, т.е. «завязывает карму своего будущего».

Вторая часть отражает период расцвета и славы Гэндзи. Однако уже в начале третьей части появляются мрачные предзнаменования. Вступив в связь с наложницей отца, Гэндзи сознает свой грех, и время от времени мучается сознанием вины, рассматривая все последующие свои неудачи как удары судьбы, кары за свою провинность. Далее все отчетливее проступает облаченная в буддийскую форму идея возмездия за легкомысленное поведение. Касиваги – друг Гэндзи – влюбляется в его молодую жену – Третью принцессу. Однако их тайная связь приносит им обоим лишь страдания и, в конце концов, принцесса постригается в монахини, а Касиваги умирает, не вынеся мук угрызения совести.

Когда в идеологии японского общества важное место заняли доктрины конфуцианства, четко обозначилась тенденция подхода к «Гэндзи моногатари» с нравственными критериями. Так, ученый конфуцианец Кумадзава Бандзан (1619–1691) уже не считал нужным даже упоминать термины, на которых сосредоточили свое внимание филологи-буддисты. Кумадзава Бандзан уделяет особое внимание этическим аспектам содержания романа. По его мнению, Мурасаки Сикибу не ставилась никакой другой целью, кроме как целью преподать урок женщинам (женщина должна быть благоразумна и осмотрительна; долг женщины – сохранять терпение, покорность, выдержку) [4].

Такого рода критика, расценивает роман Мурасаки Сикибу как произведение дидактическое, нередко оставляет в тени его художественные достоинства.

Роман «Гэндзи-моногатари» продолжает занимать особое место не только в японской, но и мировой литературе. «Гэндзи-моногатари» явилось первым произведением в японской литературе, которое отражало влияние буддизма на мирян, на личность хэйанца. Нужно отметить, что личность как таковая, впервые появляется в японской литературе именно в романе Мурасаки Сикибу. Впервые в светском произведении, а не в буддийской проповеди читатель встречал серьезные рассуждения о смысле жизни, цели жизненного пути. Эти качества романа, а не только занимательность сюжета и изящество слога привлекали пристальное внимание всей образованной части общества и сразу возвели роман в ранг классического произведения японской литературы.

И. А. Воронина отмечает, что «"Гэндзи-моногатари" оказал значительное и разностороннее влияние на дальнейшее развитие японской литературы средних веков и нового времени... это влияние выразилось и в прямом подражании (поздних хэйанские повести и дневники), и в сюжетно-тематических заимствованиях, и в реминисценциях самого различного рода» [5]. Подобное влияние отчетливо прослеживается в таких произведениях как: «Сагоромо моногатари», «Хамамацу Тюнагон моногатари», «Торикаэбая моногатари», «Гайхэйки», «Хэйкэ моногатари», «Окагами», «Эйга моногатари», в драматургии ёкёку.

Образ Гэндзи и основные женские образы романа повлияли на многие образы в романах таких классиков XX века, как Танидзаки Дзюнитиро и Кавабата Ясунари. Критики отмечают, что почти все японские писатели после Мурасаки Сикибу применяли многие художественные приемы, открытые хэйанской писательницей, хотя и не могли достичь такого совершенства. К этим приемам обращаются и современные японские писатели, несмотря на тенденции к вестернизации в национальной литературе. Это относится, прежде всего, к японским писательницам Экуни Каори и Банана Есимото. Как и для Мурасаки Сикибу, для них, прежде всего, важен внутренний мир личности и ее гармония с окружающим миром.

Рюноске Акутагава, полимизируя с Танидзаки Дзюнитиро по поводу того, что японской прозе больше всего недостает созидательной силы, таланта геометрически соединить все сюжетные линии, возражает: «Нет, еще с древних времен, когда появилась «Повесть о Гэндзи», она обладает таким талантом» [6, с. 382].

Можно прийти к выводу о том, что данное произведение является специфическим в японской литературе. Буддизм проявился в нем во всех литературных уровнях: композиционном, сюжетном и на уровне персонажей. Исследование отображения и интерпретации буддийских концепций в самом известном произведении хэйанской культуры «Гэндзи-моногатари» является весьма актуальным: оно позволяет уяснить многие моменты в истории собственно японского буддизма и лучше понять пути развития японской духовной культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morris, I.* The World of the shining prince. Court life in ancient Japan / I. Morris. – N.Y. : Kodansha USA, 1994. – 352 p.

2. *Лафлер, У.* Карма слов / У. Лафтер – М. : Серебряные нити – Летний сад, 2000. – 192 с.
3. *Конрад, Н. И.* Японская литература в образцах и очерках / Н. И. Конрад. – М. : Художественная литература, 1973. – 462 с.
4. *Горегляд, В. Н.* Японская литература VIII–XVI вв. / В. Н. Горегляд // Начало и развитие традиций. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. – 400 с.
5. *Воронина, И. А.* Классический японский роман / И. А. Воронина. – М. : Наука, 1981. – 237 с.
6. *Акутагава, Р.* Слова пигмея. Рассказы. Воспоминания. Эссе. Письма / Р. Акутагава. – М. : Процесс, 1992. – 592 с.
7. *Сикибу, М.* Повесть о Гэндзи / М. Сикибу [пер. с яп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной]. – М. : Эксмо, 2013. – 1488 с.